

RU

Современный пушту – языковая ситуация и степень изученности: теоретический обзор

Аайл Нур Ахмад, Андросова С. В.

Аннотация. Цель настоящего исследования – на основе имеющихся работ лингвистов разных стран представить теоретико-аналитический обзор современной лингвистической ситуации для языка пушту и степени изученности фонетической стороны его гильзайского диалекта. В центре внимания находятся проблемные аспекты и противоречия, связанные с проявлением девяти факторов жизнеспособности языка, предложенных ЮНЕСКО. Научная новизна работы состоит в том, что оценка по этим факторам проводится впервые. В результате выявлены разнонаправленные тенденции: повышение статуса, успешная стандартизация, использование в компьютерах и Интернете vs высокая диалектная раздробленность, возможность аттриции родного языка и диалекта; давняя история развития системы письма vs ее диалектная и даже индивидуальная вариантность, сложные отношения между орфографией и фонологией. Высокая диалектная раздробленность пушту привела к вариантности фонемного состава одних и тех же слов, используемых в разных диалектах: разнице в составе гласных, согласных и количестве фонем в слове. Фонетические данные о гильзайском диалекте практически не представлены, что обуславливает острую необходимость накопления и систематизации акустических сведений по данному диалекту.

EN

Modern Pashto – linguistic situation and the extent of study: Theoretical review

Aail Noor Ahmad, S. V. Androsova

Abstract. The paper aims to present a review of modern linguistic situation with Pashto and the progress in examining the Ghilji dialect phonetic level based on previous studies of the researchers from different countries. The focus is on problematic aspects and contradictions related to the manifestation of the nine factors of language viability proposed by UNESCO. This is the first attempt to perform the assessment based on these factors. As a result, a number of tendencies working in opposite directions were demonstrated: increased status, successful implementation of standards, wide use in computer and Internet technologies vs huge dialect variance and the possibility of attrition of the mother language and the native dialect; long history of the writing system vs its dialect and even individual variance accompanied by complicated relations between orthography and phonology. High dialect fragmentation was found to result in variance of phonemic models of words including differences in vowels, consonants and the number of phonemes in one word used in different dialects. Phonetic data on the Alsatian dialect are practically not presented, which makes it imperative to accumulate and systematize acoustic information on this dialect.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена настоятельной необходимостью оценки лингвистической ситуации для языков с высокой степенью диалектной раздробленности и, как следствие, недостаточно изученных в том числе в аспекте соотношения эталонных акустических свойств фонем в разных диалектах их модификаций в потоке речи. Подобные данные абсолютно необходимы для решения самых разных теоретических и прикладных задач – от более глубокого понимания отношений «инвариант – варианты» внутри языка и более эффективной стандартизации языка для оптимизации общения в условиях мультилингвизма до создания баз данных по звучащей речи на диалектах разных языков, на основе которых разрабатываются системы, использующие искусственный интеллект. Язык пушту в этом смысле является благодатной почвой для исследования, поскольку в его отношении языковая ситуация весьма непростая и складывается под влиянием многих факторов, действующих порой разнонаправленно.

В задачи исследования входило 1) изучение распространённости и изменения статуса пушту; 2) анализ жизнеспособности языка на современном этапе его развития по девяти факторам ЮНЕСКО; 3) выявление недостаточно изученных фонетических аспектов пушту.

Теоретической базой исследования послужили научные труды лингвистов разных стран по грамматике пушту, где рассмотрен в том числе фонетический аспект языка (Грюнберг, 1987; Tegey, Robson, 1996; Мошкало, 2000; Зйар, 2005; David, 2014; Bögel, 2015; Махбуб, 2018; Ширзад, 2020), специальные работы о фонетическом строе и особенностях реализации фонем (Ivanov, 2001; Riaz-ud-Din, Rahman, 2011; Ijaz, 2015; Habib, Saeed, 2016; Rahman, Khan, Ali, 2020; Liu, 2021; O'Connor, 2021), о заимствованиях в пушту (Chan, Fleming, Liu, 2021; Hood, 2022; Baitullah, Iqbal, Ullah, 2023), об отдельных диалектах данного языка (Мангал, 2008; David, 2014; Горбанди, 2019; Dinakhel, 2020; Liu, 2021). Хронологические рамки обзора охватывают период с 1960 по 2023 г.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Критический анализ литературных источников применён для выявления проблемных зон в развитии пушту и его изучении; метод обобщения и систематизации языковых и экстралингвистических (не связанных непосредственно с языковой системой и особенностями её реализации) данных использован для оценки жизнеспособности языка в целом, вариантности фонетической системы, специфики отношений графики и орфографии, с одной стороны, и фонологии – с другой. Также произведена систематизация собственного языкового опыта одного из авторов исследования, который является носителем гильзайского диалекта пушту.

Оценка жизнеспособности пушту была произведена через призму девяти факторов жизнеспособности, предложенных ЮНЕСКО (Language vitality and endangerment. UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages: Document adopted by the International Expert Meeting on UNESCO Programme Safeguarding of Endangered Languages (Paris, 10-12 March 2003). <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000183699>): 1) передача языка от поколения к поколению; 2) общее количество говорящих на языке; 3) соотношение количества говорящих на языке и общего количества населения; 4) изменения в сферах использования языка; 5) использование в новых сферах жизнедеятельности и средствах массовой информации; 6) доступность материалов для обучения языку и уровень грамотности носителей языка; 7) отношение государственных учреждений к языку, языковая политика (официальный статус и сферы использования); 8) отношение сообщества к родному языку; 9) тип и качество документооборота, производимого на данном языке.

Материалом для исследования послужил язык пушту в целом и его гильзайский диалект в частности. Материал был взят из нескольких источников. Во-первых, это два отечественных словаря пушту, считающихся фундаментальными в отечественной лексикографии афганского языка:

- Асланов М. Г. Пушту-русский словарь. Изд-е 2-е, стер., с приложением новых слов. М.: Русский язык, 1985.
- Лебедев К. А., Яцевич Л. С., Конаровский М. А. Русско-пушту-дари словарь. Около 20000 слов. Изд-е 2-е, стер. М.: Русский язык, 1989.

Во-вторых, были использованы данные, представленные на сайтах экономического, статистического и лингвистического характера, а также на сайте популярного в Афганистане СМИ:

- Afghanistan – Literacy rate // countryeconomy.com. 2022. <https://countryeconomy.com/demography/literacy-rate/afghanistan>.
- O'Neill A. Total population of Afghanistan from 2010 to 2020 // Statista. 2022. <https://www.statista.com/statistics/262000/total-population-of-afghanistan/>.
- Pashto // The University of Arizona. <https://iranian-languages.arizona.edu/node/4>.
- TWB. Language data for Afghanistan // Translators Without Borders. <https://translatorswithoutborders.org/language-data-for-afghanistan>.
- ، پښتو اور پښتون، شهباز ورځپاڼه، (Алам А. Пушту и пуштуны // Шахбааз: газета. 2019. 28 октября).
- د پښتو ژبې تاريخ اوسنۍ حالت او ننګونې: مثال راډيو، (A'zami A. III. История языка пушту, текущая ситуация и проблемы // Машал Радио. 2022. <https://www.mashaalradio.com/a/31713202.html>).

Наконец, был подвергнут слуховому и акустическому анализу звуковой материал гильзайского диалекта (спонтанные монологи) в произнесении шести дикторов-мужчин в возрасте 30-35 лет с высшим образованием, проживающих в провинциях Пактия, Пактика, Логар, Газни, Забул.

Практическая значимость работы: полученные результаты окажутся полезными как для преподавания языка пушту как иностранного, так и для спецкурсов по вариантологии языков мира, в частности – пушту, а также для создателей систем автоматического анализа и синтеза речи на разных диалектах пушту.

Обсуждение и результаты

Степень жизнеспособности и проблемы

Восточно-иранский язык пушту (пашту, пахту, афганский язык; в английском варианте – Pashto, Pukhto, Pakhto, Afghan/Afghani) является вторым по распространённости языком в Афганистане (35% – по данным Библиотеки Конгресса США (<http://loc.gov/>)) и Пакистане (согласно переписи населения 2017 г. – 18,24% (<http://loc.gov/>)), на пушту также говорят в Иране, Индии и Таджикистане. Данный факт, несомненно, следует интерпретировать как один из признаков благоприятной ситуации для данного языка. Вместе с тем разнообразие названий языка – это первое, что сразу указывает на высокую степень его вариантности. Названию изучаемого диалекта также свойственна вариантность – гильзайский / гильджи (в английском варианте –

Ghaljay/Ghilji). Прежде всего обратим внимание на разногласия в лингвистических кругах относительно происхождения пушту, а именно арийские и семитские теории (Наз Баханд, 2019). Также важно отметить разногласия по поводу отнесения пушту к (юго)восточной либо западной группе иранских языков (Ahmad, 2018, p. 7). Есть и третья точка зрения, согласно которой пушту и еще несколько языков формируют отдельную индоарийскую группу, находящуюся между хинди и иранскими языками (Garcia, Bakht Munir, 2016; Nasrat, Mobasher, 2022; Хколи, 2022).

Политическая обстановка в Афганистане была и остаётся весьма непростой, поскольку народы этого региона десятилетиями были вовлечены в войны, что не может не сказываться на языковой ситуации региона. Тем не менее, за последние 20 лет в языковой ситуации и степени изученности пуштунского языка наметился значительный прогресс: пушту повысил свой статус до одного из государственных языков и используется в качестве языка офисов и политики, но не является доминирующим языком в Афганистане. Сильную конкуренцию ему на территории Афганистана составляет язык дари (50% – по данным Библиотеки Конгресса США (<http://loc.gov/>)), принадлежащий к той же иранской группе, что и пушту, а на территории Пакистана – язык индоарийской группы панджаби (согласно переписи населения 2017 г. – 38,78% (<http://loc.gov/>)). В Пакистане пушту имеет статус языка провинции (Ahmad, 2018).

Язык пушту обладает высокой жизнеспособностью и входит в 50 самых благополучных и крупных языков мира (Eberhard, Simons, Fennig, 2022). Эта жизнеспособность прослеживается по всем девяти факторам, предложенным ЮНЕСКО (Language vitality..., 2003). Во-первых, язык успешно передаётся от поколения к поколению, а количество носителей языка пушту, по разным оценкам, варьирует от 40 до 70 млн человек (точное количество в связи с непростой политической ситуацией неизвестно). Указанные выше доли говорящих на пушту также свидетельствуют о высокой жизнеспособности. Во-вторых, пушту активно используется в качестве средства общения в различных социальных контекстах для различных целей, в том числе в повседневном общении и в кругу семьи. Это язык, на котором мыслят миллионы людей. В-третьих, это не только язык, на котором изданы тысячи книг, но и язык множества современных журналов, радио, телевидения, социальных сетей и Интернет. По данным исследования группы «Переводчики без границ» (TWB, 2022), дари и пушту являются двумя основными языками телерадиовещания в Афганистане. Хотя пушту был впервые использован в компьютерах только в 1984 г., в настоящее время существуют сотни веб-сайтов на данном языке. В 2016 году пушту также стал частью поисковой системы Google Translate, поддерживающей на 2022 год 133 языка мира. Таким образом, по факторам 1-5 у языка пушту весьма благоприятная ситуация.

Вместе с тем по фактору 6 имеются особенности, а именно пришедшая извне и развивавшаяся в течение четырёх веков, начиная с первой половины XVI века, арабская система письма и огромная диалектная раздробленность, что привело к высокой степени варьирования орфографии и пунктуации (Tegey, Robson, 1996, p. 20-21). Кроме того, в орфографию пушту могут довольно быстро вноситься изменения. Так, между первой и второй редакциями пушту-русского словаря М. Г. Асланова прошло 19 лет, и за это время уже произошли изменения в орфографии, которые, к сожалению, во вторую редакцию словаря не вошли по техническим причинам, как признают сами издатели (Асланов, 1985, с. 3). Тем не менее, уровень грамотности населения увеличивается. По данным ЮНЕСКО, за период 1979-2018 гг. он вырос с 18,16% до 43,02% (Afghanistan, 2022). В целом интерес к владению пушту у населения растёт. В связи с недавними политическими событиями в Афганистане именно пушту расширяет официальные сферы своего использования, поскольку члены правительства на данный момент говорят только на пушту. Документация по-прежнему составляется на обоих официальных языках – дари и пушту; имеется немалое количество учебников и словарей пушту. Таким образом, по факторам 7-9 ситуация также благоприятна.

Жизнеспособность пушту растёт, поскольку больше, чем когда-либо прежде, в истории пушту его носители уделяют внимание своему языку и делают всё возможное для его распространения во всех сферах жизни: в политике, экономике, религии, коммуникации и технологиях. Об этом свидетельствует рост количества говорящих на пушту. Так, по данным университета Аризоны, в 2017 году на данном языке в мире говорило 38 млн человек (данных по Афганистану в этом источнике не представлено) (Pashto, 2022). Согласно данным за 2018 год, в Афганистане на пушту говорили 14,7 млн человек (Алам, 2019). По данным А. Ш. А'зами (A'zami, 2022), на 21 февраля 2022 года количество говорящих на пушту в мире составило уже 60 млн человек, а в Афганистане – 17,5 млн человек. Это согласуется с поступательным ростом населения, зафиксированным статистикой с 2010 г. по 2020 г. (O'Neill, 2022). Однако точно оценить рост не представляется возможным, поскольку данные отдельно взятых источников неполные и не упорядочены по временным периодам.

Вместе с тем пушту характеризуется высокой степенью диалектной раздробленности (см., например, анализ диалектов и говоров в работах (Мангал, 2008; David, 2014, p. 34-45; Dinakhel, 2020, p. 127) с многочисленными примерами отличий). Отличия между тремя основными группами диалектов, диалектами и говорами внутри одного диалекта могут быть настолько значительными, что это затрудняет взаимопонимание. Например, житель района Ладжа Мангало провинции Пактия, говорящий с пуштуном района Навзад провинции Гильменд, не могут понять друг друга из-за разницы в акцентах. Л. С. Чань и соавторы отмечают факт языковой аттриции, которому подвержен пушту в связи с многочисленными переселениями и многоязычием. Это даёт основания говорить о длительном противоборстве двух тенденций: с одной стороны, роста жизнеспособности, а с другой – разрушения родного языка и родного диалекта (Chan, Fleming, Liu, 2021). Особенности взаимодействия этих противоположных тенденций являются благоприятной почвой для появления неустойчивых точек в фонологической системе стандартного пушту и его диалектах. Эти неустойчивые точки могут возникать в системе гласных, согласных и моделях их реализации.

Нельзя сказать, что все диалекты и говоры пушту тщательно изучены. Ряд диалектов и говоров не внесены в современный атлас языков мира (Eberhard, Simons, Fennig, 2022), кроме того, распределение по диалектам и говорам в данном атласе спорно. Так, изучаемый нами диалект гильджи / гильзайский не внесён в атлас, а диалект близлежащей территории Нангархар – нангархарский диалект – распределён в северную группу диалектов. Однако в афганской традиции её принято называть восточной, а гильзайский диалект принято относить к центральной группе (Хашими, 2004, с. 13-15). Между тем, согласно атласу, к центральной группе относятся только пакистанские диалекты пушту.

Ещё одна проблема – большое количество заимствований, в том числе из арабского (например, через да-ри), английского и других языков (подробнее см. (Hood, 2022)). Часть заимствований полностью адаптируется под фонетическую систему пушту, а часть сохраняет специфические особенности языка-донора в реализации как гласных, так и согласных (Baitullah, Iqbal, Ullah, 2023). Эти чужеродные особенности на разных уровнях языка, по словам пуштунского лингвиста Х. М. Худа (Hood, 2022, р. 114), разрушительны для пушту.

Другая сложность – это сама система письма. Во-первых, при общей графической основе – арабском алфавите – отмечается неунифицированность, когда варианты графического отображения специфических пуштунских фонем отличаются от диалекта к диалекту, и эти отличия являются своеобразными маркерами диалектов (Ширзад, 2020, с. 28). Во-вторых, одна и та же фонема может орфографически отображаться по-разному. Например, дифтонг /əi/ (другой вариант транскрипции – /əy/) в существительных женского рода (с ударением на второй слог) в основном передаётся графемой *ی*, а в глаголах повелительного наклонения множественного числа (с ударением на первый слог) – графемой *ی: خپلی* 1 /tsapləi/ (сущ. ж. р. «сандаля мужская»), *دودی* /dodəi/ (сущ. ж. р. «еда»); *وکرئ* /wəkɾəi/ (глагол пов. накл. «сделайте»), *پاخئ* /patsəi/ (глагол пов. накл. «встаньте»). В-третьих, разные фонемы могут использовать очень похожие графемы. Так, гласные /ai/, /i/, /e/ отображаются соответственно графемами *ی, ی, ی*, где отличия состоят в отсутствии / наличии точек под одинаковым основным символом и в характере расположения точек (по горизонтали либо по вертикали):

سری /sarai/ «мужчина»

سری /sarī/ «мужчины»

سری /sarē/ «холодная»

В таких случаях, по признанию самих афганских и пакистанских лингвистов, изучающих пушту, даже грамотные пуштуны допускают ошибки. Аналогичная ситуация с графемами для обозначения долгой /ā/ и краткой /a/: (соответственно *آ, ا* в словах *آس* /ās/ «лошадь», *کار* /kar/ «работа»). Однако в обоих случаях пуштуны используют графему для краткой /a/ и полностью игнорируют графему с показателем долготы, которую сейчас невозможно встретить даже в пуштунских книгах по грамматике (Ширзад, 2020; Махбуб, 2018; Зйар, 2005; Хашими, 2004).

В-четвёртых, одна и та же графема служит для передачи разных фонем. Например, графема *و* может обозначать /u/, /o/, или /w/ (Ширзад, 2020, с. 66-73). Продемонстрируем на полных омографах: *لور* может означать «серп» /log/, «дочь» /lug/, «сторона» /log/ и «считать достойным» /lawɾ/ (Махбуб, 2018, с. 36-37). Ещё один пример – *غوته* может означать «узел» /vúta/, «нырять» /vutá/, «большая» /v#wáta/. Аналогично фонемы /ə/ и краткая /a/ на письме обозначаются одной графемой *ه: خوله* [xulə] «рот» и [xwala] «слеза». Значения таких слов становятся ясными только в контексте.

Фонетические данные

В целом следует отметить нехватку данных о звуковой стороне в различных диалектах пушту (Shahedkhel, 2019, р. 81). Большинство профессиональных лингвистических исследований пушту (в соответствии с международными стандартами) были инициированы лишь с начала 21 в. (2000 г.), а полученные данные полны противоречий. Это касается словесного ударения (анализ имеющихся данных см. (Novák, 2013, р. 54; Ahmad, 2018; Андросова, Аайл, 2021)), признака долготы / напряженности гласных (Ширзад, 2020, с. 125-126; Liu, 2021), статуса дифтонгов и их количества (Мошкало, 2000; Ivanov, 2001; Хашими, 2004; Зйар, 2005; Махбуб, 2018; Ahmad, 2018; Мархун, 2019; Ширзад, 2020) и ряда других моментов. Так, известны консервативность ударения в пушту, правила его постановки и суффиксы, притягивающие ударение (Дыбо, 1972; Tegey, Robson, 1996; Robson, Tegey, 2009; Cheung, 2010; Novák, 2013; Ahmad, 2018), но акустические и перцептивные корреляты словесного ударения и особенно взаимодействие словесного и фразового ударения почти не изучены за исключением единичных работ, например (Андросова, Аайл, 2021). Экспериментальных работ по интонации почти нет, за исключением (Rognoni, Bishop, Corris, 2017). Количество монофтонгов, рассматриваемое в литературе, варьирует в пределах 7-9, однако фонологический статус вторых членов двух пар – *i*-*ɪ* и *u*-*ʊ* – можно назвать дискуссионным (Хашими, 2004, с. 17-18; Зйар, 2005, с. 28-29; Махбуб, 2018, с. 32; Ahmad, 2018, р. 13; Мархун, 2019, с. 303; Ширзад, 2020, с. 72-73). На текущий момент единственной долгой гласной фонемой является /ā/ (Ivanov, 2001, р. 5; Liu, 2021). По мнению отечественных лингвистов, дифтонгов как монофонемный единицы на уровне системы гласных в пушту нет, но есть ложные дифтонги, или псевдодифтонги, – сочетания гласных, т. е. бифонемные образования, – количество которых в отечественных литературных источниках варьирует от 5 до 7 (Дворянок, 1960, с. 10; Грюнберг, 1987; Мошкало, 2000; Ivanov, 2001). В немногочисленных работах английских лингвистов, например (Miller, David, 2014, р. 11), указывается 7 дифтонгов. Пуштунские лингвисты признают за монофтонгами и дифтонгами равный фонологический статус и выделяют 10 дифтонгов (Хашими, 2004, с. 19; Зйар, 2005, с. 60-61; Махбуб, 2018, с. 32; Мархун, 2019, с. 303; Ширзад, 2020, с. 107-109).

Акустических сведений получено немного и по небольшому количеству диалектов пушту: по гласным кандагарского и кабульского диалектов в Афганистане (Ivanov, 2001), согласным (в основном смычно-

взрывным) и гласным диалекта юсуфзаи в Пакистане (Riaz-ud-Din, Rahman, 2011; Ijaz, 2015; Habib, Saeed, 2016). В этом аспекте диалект юсуфзаи можно считать самым изученным, но и здесь остается немало «белых пятен» даже в исследовании эталонных акустических характеристик фонем, которые представлены не в полном объеме, не говоря об акустической картине процессов связной речи, информация о которой практически отсутствует. Акустических данных по гильзайскому диалекту в доступных нам научных работах на русском, английском и пуштунском языках не представлено.

Наш собственный пилотный анализ выявил следующее. При единой системе гласных, включающей семь гласных монофтонгов (/ā/, /a/, /u/, /o/, /ə/, /e/, /i/), канонические фонемные модели (т. е. модели, реализующиеся при полном типе произнесения – при тщательном артикулировании) ряда слов в гильзайском диалекте отличны и от стандарта, и от других диалектов. По этой причине идеальная фонемная транскрипция, отражающая каноническую модель, в целом ряде случаев не совпадает с той, что дана в известных словарях пушту (например, (Лебедев, Яцевич, Конаровский, 1989)): у нас /zamā/, в словаре /zma/ زما «мой»; у нас /láre/ в словаре /líri/ لری «далеко», у нас /dide/, в словаре /dædi/ ددی личное местоимение женского рода ед. ч. «этой», у нас /se dai/ в словаре /ʃe dai/ سی دی «которое является» (союз, значение которого определяется контекстом) /se dai/ и т. д. Как видно из примеров, это могло быть разное количество фонем в слове, а также различия фонемного состава по гласным и согласным: /e/ вместо /i/, /e/ вместо /ə/, /s/ вместо /ʃ/ и т. д. Такая разница фонемного состава довольно типична для одних и тех же слов, функционирующих в разных диалектах пушту (см., например, слова на /i/ в юго-западных диалектах и эти же слова на /e/ в северо-восточных и северо-западных диалектах (Dinakhel, 2020, p. 134)).

Ситуация схожа с той, что имеет место в национально-региональных вариантах, диалектах и говорах других языков. Для сравнения возьмем общеизвестную разницу британского и американского вариантов в части /ɑ/-/æ/ в словах типа *task, fast, class, path, aunt, laugh* и т. д., также /ʌ/-/ɜ/ в *worry, hurry, courage* и т. д. Другие примеры – /ɜ:-a:-o/ (Морозова, Андросова, Кравец и др., 2017), а также соответствие шумных щелевых согласных фонем /s-h-ʃ/ в разных говорах эвенкийского языка (языка с очень высокой диалектной раздробленностью, как и пушту), которые делятся на южные «секающие / шекающие», северные «хакающие» и восточные «секающе-хакающие» (Морозова, Булатова, Андросова, 2020). Все это демонстрирует диалектную вариантность фонемного состава слов, естественную для многих языков.

Таким образом, на текущий период зафиксирована явная положительная динамика в количестве носителей языка пушту, его статусе и сферах использования, которые расширяются, охватывая государственный документооборот, современные СМИ, Интернет и информационные технологии. Вместе с тем противоречивые отношения между орфографией и фонологией, высокая диалектная раздробленность, многочисленные заимствования пока не позволяют полностью исключить возможность языковой аттриции. Проблема недостатка фонетических данных по большинству диалектов по-прежнему стоит остро.

Заключение

Проведенный теоретико-аналитический обзор языковой ситуации с пушту через призму девяти факторов жизнеспособности языка, предложенных ЮНЕСКО, и степени изученности фонетической стороны гильзайского диалекта данного языка на основе отечественных лексикографических источников, научных трудов лингвистов разных стран, а также статистических данных, представленных на англоязычных и афганоязычных сайтах, позволил прийти к следующим выводам.

Во-первых, пушту является вторым по распространенности языком в двух граничащих странах – Афганистане и Пакистане – и на данный момент имеет статус одного из официальных языков Афганистана и языка провинции в Пакистане.

Во-вторых, языковая ситуация с пушту достаточно уникальна, поскольку характеризуется долгим противостоянием факторов, повышающих и ослабляющих его жизнеспособность: а) большое количество носителей языка (и дальнейший его рост) наряду с повышением статуса, успешными попытками стандартизации и широким охватом сфер использования vs диалектная раздробленность, многоязычие, сложная политическая обстановка и, как следствие, проблема аттриции родного языка и родного диалекта; б) повышение грамотности населения vs заметное варьирование орфографии и пунктуации, сложные отношения между фонемами и графемами, большое количество адаптированных и неадаптированных заимствований. Факторы, повышающие жизнеспособность, явно преобладают, однако факторы, создающие опасность языковой аттриции, в текущем состоянии развития пушту нельзя полностью исключить.

В-третьих, недостаточная изученность диалектов пушту, которая отмечалась лингвистами в 1990-х и 2000-х гг., сохраняется и по сей день, особенно в плане недостатка акустических сведений о варьировании фонем в связной речи на разных диалектах пушту, в частности на гильзайском. Остаются и спорные лингвистические, в том числе и фонологические вопросы, требующие дополнительного осмысления. Вопросы, по которым точки зрения лингвистов различаются, включают: происхождение пушту (арийские или семитские теории) и отнесение его к языковой группе ((юго)восточно-иранский язык, западно-иранский язык или язык отдельной индо-арийской группы), статус дифтонгов (монофонемные образования сложной структуры или сочетания гласных фонем), дальнейшая судьба признака долготы гласных при учете, что в вокализме пушту осталась только одна пара (/ā/-/a/), где гласные противопоставлены по долготе.

В связи с выявленными проблемными зонами перспективу исследования составит прежде всего подробный акустический анализ гласных и согласных выбранного гильзайского диалекта пушту для описания эталонных характеристик и естественных модификаций в потоке речи на данном диалекте. Планируется выявить универсальное и специфическое как в самих модификациях, так и в причинах их возникновения.

Источники | References

1. Андросова С. В., Аайл Н. А. Ударение в языке пушту: традиционная точка зрения и объективные данные (пилотный эксперимент) // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. Вып. 9.
2. Грюнберг А. Л. Очерк грамматики афганского языка (пашто). Л.: Наука, 1987.
3. Дворянков Н. А. Язык пушту. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
4. Дыбо В. А. О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: предварительные материалы. М., 1972.
5. Морозова О. Н., Андросова С. В., Кравец Т. В., Процукович Е. А. Гласные реализации на месте канонической долгой фонемы /з:/ в селемджинском говоре эвенкийского языка и их фонологический статус // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3. № 3.
6. Морозова О. Н., Булатова Н. Я., Андросова С. В. Реализация переднеязычного щелевого /s/ в эвенкийском и ороchonском языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2020. Т. XVI. Ч. 2. <https://doi.org/10.30842/alp2306573716221>.
7. Мошкало В. В. Афганский (пашто) язык // Языки мира: иранские языки: в 3-х т. М.: Индрик, 2000. Т. III. Восточноиранские языки / ред. колл.: В. С. Расторгуева (отв. ред.), Д. И. Эдельман, В. В. Мошкало.
8. Наз Баханд. Этапы формирования языка пушту // V Новиковские чтения: функциональная семантика и лингвосемиотика: сборник научных статей Российского университета дружбы народов. М.: РУДН, 2019.
9. Ahmad S. An analysis of English lexical stress patterns by Pashtun ESL learners: Master thesis / National University of Modern Languages. Islamabad, 2018.
10. Baitullah, Iqbal L., Ullah I. Phonemic Variations in English Loanwords Borrowed into Afghani Pashto // Journal of Social Sciences Review. 2023. Vol. 3 (1). <https://doi.org/10.54183/jssr.v3i1.203>.
11. Bögel T. The syntax-prosody interface in lexical functional grammar: Doctoral thesis / University of Konstanz. Konstanz, 2015.
12. Chan L. X., Fleming B. P., Liu M. W. R. The Vowel System of Northeastern Pashto // ICU Working Papers in Linguistics (ICUWPL). 2021. Vol. 17.
13. Cheung J. Selected Pashto Problems I: The Accent in Pashto // Persica. 2010. Vol. 23.
14. David A. B. Descriptive Grammar of Pashto and Its Dialects. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
15. Dinakhel M. A. Comparison of two dialects of Pashto, spoken in Afghanistan and Pakistan: Kandahari dialect and Yusufzai dialect // Central Asia Journal. 2020. No. 86.
16. Eberhard D. M., Simons G. F., Fennig Ch. D. Ethnologue: Languages of the World. 25th ed. Dallas: SIL International, 2022.
17. Garcia M. I. M., Bakht Munir. Origins of Pashto Language and Phases of its Literary Evolution // Journal of Research (Humanities). 2016. Vol. LII.
18. Habib H., Saeed A. Acoustics analysis of Pashto plosives // Science International (Lahore). 2016. Vol. 28. Iss. 4.
19. Hood H. M. Language borrowing in Pashto // International Journal of Advanced Academic Studies. 2022. Vol. 4. № 1. <https://doi.org/10.33545/27068919.2022.v4.i1b.693>.
20. Ijaz M. Phonemic Inventory of Pashto. 2015. https://www.academia.edu/29905001/Phonemic_Inventory_of_Pashto
21. Ivanov V. B. Prosodic reduction of vowels in Pashto // Исследования по иранской филологии. М.: Изд. центр ИСАА при МГУ, 2001. Вып. III.
22. Liu M. W. R. Long Vowels in Northeastern Pashto // ICU Working Papers in Linguistics (ICUWPL). 2021. Vol. 17.
23. Miller C., David A. B. Phonology and orthography // David A. B. Descriptive Grammar of Pashto and Its Dialects. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
24. Nasrat N., Mobasher H. Opinions of Foreign Scholars on Pashto Language // Randwick International of Education and Linguistics Science (RIELS) Journal. 2022. Vol. 3. No. 1. <https://doi.org/10.47175/rielsj.v3i1.410>.
25. Novák L. Problem of Archaism and Innovation in the Eastern Iranian Languages: Disertační práce. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2013.
26. O'Connor E. A phonetic description of Pashto. 2021. <https://ru.scribd.com/document/433208304/Pashto#>
27. Rahman G., Khan A. A., Ali S. S. Phonological Reduction in Pashto // Global Language Review. 2020. Vol. V (III). [https://doi.org/10.31703/blr.2020\(V-III\).01](https://doi.org/10.31703/blr.2020(V-III).01)
28. Riaz-ud-Din, Rahman G. The Acoustic Analysis of Pashto Vowels // Language in India. Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. 2011. Vol. 11.
29. Robson B., Tegey H. Pashto // Iranian Languages / ed. by Gernot Windfuhr. L. – N. Y.: Routledge, 2009.
30. Rognoni L., Bishop J., Corris M. Pashto intonation patterns // INTERSPEECH: Proceedings of the 18th Annual Conference of the International Speech Communication Association. Stockholm, 2017.
31. Shahedkhel S. K. The phonemic value of Pashto language special letters // Journal of Arts & Humanities. 2019. Vol. 08. Iss. 7. <http://dx.doi.org/10.18533/journal.v8i7.1666>

